DOI: 10.17117/na.2016.07.02.146

<http://ucom.ru/doc/na.2016.07.02.146.pdf>

Поступила (Received): 18.07.2016

Литовченко К.Г.

Роль политического насилия в трансформации общества

Litovchenko K.G.

The role of political violence in the transformation of society

Статья посвящена проблеме политического насилия и его места и функций в процессе трансформации общества. Автор рассматривает, при каких условиях и в каких ситуациях политическое насилие может быть конструктивным и способствующим развитию общества

Ключевые слова: насилие, общество, трансформация, освобождение, справедливость

The article is devoted to the problem of political violence and its place and function in the process of transformation of society. The author considers different conditions and situations in which the political violence can be constructive and contributing to the development of society

Key words: violence, society, transformation, liberation, justice

Литовченко Кирилл Геннадьевич

Студент

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

г. Киев, ул. Владимирская, 60

Litovchenko Kirill Gennadievich

Student

Kyiv national university named T. Shevchenko

Kyiv, Vladimirska st., 60

Одной из наиболее тревожных проблем с которой мы сталкиваемся сегодня, является политическое насилие. Данное явление распространилось почти во все части света, начиная от промышленно-капиталистических или социалистических обществ, и заканчивая странами Азии и Африки. Существует распространенное мнение, что политическое насилие проявляется в большей степени в тех обществах, чьи политические институты не способны должным образом решать социально-экономические противоречия и другие проблемы.

С другой стороны, также считается, что в эгалитарных обществах с устойчивыми, хорошо развитыми политическими институтами, значительно меньше насилия в структуре принятия решений. Таким образом, политическая стабильность способствует обсуждению требований и интересов различных групп, так как при таком положении вещей все участники процесса чувствительны к требованиям оппонента, и тем самым сдерживают политическое насилие.

Поэтому целью данной статьи является анализ того, как политическое насилие может способствовать трансформации общества. Ведь на первый взгляд насилие может быть лишь деструктивным. Чтобы ответить на этот вопрос необходимо проанализировать некоторые аспекты и стороны политического насилия, в частности антигосударственного.

Во-первых, политическое насилие может выступать в роли индикатора неудовлетворительного состояния общества.

Утверждается, что разочарование порождает агрессию. Урбанизация, СМИ и т.д. помогают человеку узнать о более высоком уровне жизни людей, проживающих в более развитых, промышленно обществах. Люди, которые живут в слаборазвитых странах, испытывают разочарование, когда их ожидания и устремления не выполняются из-за отсутствия технологий и нехватки ресурсов. Насилие, которое возникает в результате подобного разочарования известно как гипотеза «фрустрация – агрессия».

Как пишет Т.Р. Гарр [2], механизмы фрустрации-агрессии и связанные с ними механизмы угрозы-агрессии дают базовую мотивационную связь между относительной депривацией и потенциалом коллективного насилия. Здесь важным моментом является тот факт, что насилие совершается не из-за преследования определенных политических целей, а из-за состояния неудовлетворенности. Это состояние возникает из-за того, что ожидания граждан, то есть определенные блага и условия, на которые они имеют право претендовать, не соответствуют их возможностям, то есть благам и условиям, которые они могут получить и удержать.

Если влиятельная группа присваивает себе подавляющую долю ресурсов и возможностей в обществе, то другая часть людей в обществе чувствует себя обделенной. Такой дисбаланс обычно происходит в периоды относительного благополучия или развития. Когда разрыв между ожиданиями и реальным положением дел усугубляется, это приводит к насилию. Подобный разрыв обычно проходит три стадии. На первой стадии идет развитие этой неудовлетворенности через сопоставление положения определенной ограниченной влиятельной группы и других слоев населения. На втором этапе подобная неудовлетворенность уже приобретает политический характер. А уже на третьем этапе неудовлетворенность реализуется в насильственных действиях, которые направлены против политических объектов и деятелей.

Во-вторых, политическое насилие рассматривается как такое, которое почти невозможно обойти при процессах трансформации общества и государства

В социальном контексте насилие может быть двух типов. Оно может включать в себя использование физического или психического насилия со стороны народа против государственной власти или правительства для достижения целей определенной группой. Такое насилие, является насилием со стороны народа в целом. С другой стороны, существует также принуждение, которое используется органами государственной власти, такими как полиция, армия и т.д., с целью поддержания закона и порядка. Такое применение силы санкционируется законом. Однако, когда применение силы со стороны органов государства превышает свои границы, это уже превращается в государственную поддержку насилия или официальное насилие. Такие случаи могут привести к массовому насилию, направленному против самих государственных репрессий. Когда насилие имеет место в политическом сообществе с участием конкурирующих против режима, его лидеров или его политики политических групп, его можно назвать политическим. Иными словами, политическое насилие стремится прямо или

косвенно влиять на принятие решений и властных отношений в политической системе. Это особенно проявляется в тех случаях, когда политические институты не в состоянии выполнять свою роль, или, когда политические элиты теряют авторитет и легитимность [2].

Льюис Козер и Ральф Дарендорф [3] в своей теории конфликта делают упор на использовании конфликта для решения социальной напряженности и поддержки межличностных отношений, следуя в данном вопросе идеям Маркса и Зиммеля. Для них насилие является естественным проявлением социальных изменений, так как в этом процессе некоторые группы получают большую выгоду, чем другие. Решение напряженности через конфликт особенно заметно в плюралистических открытых обществах.

Политическое насилие напрямую связано с процессом трансформации. Большинство развивающихся стран, проходят через этот переходный этап от традиции к трансформации. Нарушение равновесия между политическими, социальными и экономическими институтами в течение переходного периода также способствует насилию. Политическая трансформация предполагает участие новых социальных групп. Таким образом, политическое насилие в переходных обществах коренится в неспособности развивать институты, которые были бы ответственными за участие новых групп.

Если обратиться к доктрине марксизма, то в ней насилие является единственным средством реальной трансформации общества, причем оно является морально оправданным. По мнению марксистов, капиталистическое общество является само по себе насильственным, и насилие в нем просто часть бытия. С этой точки зрения, многие интеллектуалы делали акцент на инновационном насилии – насилии, которое необходимо для борьбы с угнетением со стороны властей. Здесь мы можем плавно перейти к третьей мысли, неразрывно связанной с предыдущей – реальная политическая трансформация невозможна без трансформации самого сознания граждан. Стоит отметить, что подобное насилие должно соответствовать таким критериям как «свобода» и «справедливость».

Так, например, Сартр развивает мысль об использовании насилия для преодоления несправедливости. Особого внимания заслуживает идея насилия как источника гуманности. Сартр утверждает, что все можно объяснить потребностью и такие человеческие практики, как свобода передвижения, свобода думать и творить, пытаются решить определенную необходимость. Используя пример взятия Бастилии, Сартр показывает, как групповая практика превосходит индивидуальную практику в выполнении цели. Результатом внешнего и внутреннего насилия группы является формирование солидарности. Эту мысль поддерживает Ханна Арендт, цитируя Франца Фанона: «практика насилия связывает людей в единое целое» [1, с. 67]. В целом, если практика соответствует идеям свободы, то мы видим, что группа превосходит индивидуальные действия: поэтому насилие поддерживает высшее выражение свободы, которое, утверждает Сартр, является синонимом происхождения гуманности [7].

Также Э. Фромм описывает и оправдывает насилие, которое призвано защищать справедливость и бороться со злом. «Данный тип насилия стоит на службе

жизни, а не смерти; его целью является сохранение, а не разрушение ... Исходя из высших духовных соображений, можно возразить, что убийство даже в целях самозащиты не может быть оправдано с моральной точки зрения. Но большинство тех, кто разделяет это убеждение, согласятся, что применение силы для защиты жизни все же является по своей сути чем-то другим, чем применение насилия, которое служит разрушению ради него самого» [5, с. 21].

Обращаясь к идеям Жоржа Сореля и Франца Фанона, которых принято считать одними из главных певцов насилия, следует сделать акцент на важности насилия в трансформации сознания.

Пролетарское насилие Сореля [4] никак не связано с физическим, не говоря уже о терроризме. Главным орудием революции и соответственно воплощением пролетарского насилия является всеобщая забастовка, которую Сорель приравнивает к настоящим боевым действиям. Сорель отмечает, что борьба обязательно должна вестись с равным противником, без мести и ненависти, и ни в коем случае не должна иметь ничего общего с террором и диктатурой.

Для пролетариата значение насилия состояла не только в прямой, инструментальной ценности, но и в процессе революционного преобразования сознания. Во-первых, оно способствует радикализации пролетарского классового антагонизма в отношении капиталистического строя, что приводит к катастрофической конфронтации с буржуазией – это его отрицательный аспект. Во-вторых, его положительный аспект, по мнению Сореля заключается в том, что строительство нового строя проходит в творческой спонтанности передового пролетарского сознания, полностью оторванного от старого буржуазного строя.

Для Сореля, революция имеет значение для восстановления утраченного достоинства, героизма и беззаветной храбрости, не только для пролетариата, но и для европейской цивилизации в целом: «Насилие пролетариата не только обеспечивает будущую революцию, но и представляет собой, кажется, единственное средство, которое европейские нации, оупевшие от гуманизма, еще имеют, чтобы снова почувствовать в себе прежнюю энергию» [4, с. 94].

Насилие формирует и готовит интеллектуальный переворот в душах людей, утверждая новые ценности. Настоящая цель насилия состоит в том, чтобы отбросить табу и уничтожить привычные идеологические клише. Ведь настоящее насилие по Сорелю – полная интеллектуальная независимость.

Также и Фанон отмечал важность насилия именно в плоскости изменения сознания. Правда методы, которые он предлагал, были на порядок жестче, что скорее всего можно объяснить тем фактом, что взгляды Фанона на насилие является результатом противостояния между колонизаторами и колонизированными. Он говорил, что «агенты правительства используют язык чистого насилия» ведя дела с колонизированными народами [6, с. 4]. Для этого, насилие становится не только уместным средством борьбы, но и единственно возможным в большинстве ситуаций. Тот факт, что колонизаторы и колонизированы живут в совершенно разных измерениях, делает насилие единственным средством общения между ними.

Для Фанона подобное насилие, говоря словами французского публициста Жана Амери, – «это не только повитуха истории, но и повитуха человека».

«Только насилие ... совершенное самим народом, кровопролития организованное и образованное, откроет массам понимание истины общественной жизни» [6, с. 96]. Ключевой вопрос для Фанона – когда поработенные решат положить конец ложному положению вещей и будут готовы отстаивать свои силы против колониализма? Это, можно сказать, вопрос о том, когда туземцы достигнут революционного сознания, то есть когда они выйдут за рамки рабской психологии и идеологических искажений и начнут процесс осознания себя как свободных людей. Именно в этой трансформации, насилие становится неотъемлемой частью революции: это превращение, которое выходит за пределы формальной передачи власти от метрополии к родной администрации и требует неотъемлемой метаморфозы отдельного индивида, появление национального сознания и политики с позиции силы.

Но почему для такой трансформации нужны насилие и смерть? «На уровне отдельной личности вооруженная борьба имеет очистительную силу, она освобождает раба от комплекса неполноценности, избавляет от отчаяния и бездействия, делает его бесстрашным и возвращает чувство собственного достоинства» [6, с. 51]. Когда угнетенный осознает, что угнетателя можно убить, в его сознании происходит революция – миф о всемогуществе угнетателя развенчивается. Импульс мести адекватно выражается только в революционном насилии. Этот процесс, как пишет Фанон, является «истинным созданием новых людей». Ведь «существо», которое была колонизировано, становится человеком в ходе того же процесса, с помощью которого он освобождает себя [6, с. 2].

Правда, в последнем разделе «The Wretched of the Earth», он отмечает возможные психологические, эмоциональные, социальные, а также физические последствия насилия для исполнителей и потерпевших. В этом последнем разделе ослабляется сила предыдущих рассуждений Фанона, согласно которым насилие можно направить на уничтожение колониальной власти, или оно может быть направлено на достижение позитивных целей. Поэтому необходимо отметить, что автор осознает возможные развращающие и изнурительные последствия реакционного или революционного насилия относительно как исполнителей, так и потерпевших.

В завершении, можно сказать, что вопрос об опасениях использования насилия, к которым обращается Фанон в заключительной главе «Wretched of the Earth», указывает, что перечень проблем, касающихся связи между политикой и насилием, не исчерпан и не решен полностью, ни Сорелем, ни Фаноном, ни любым из мыслителей. В то время как Фанон признает, что закрепление насилия в личности, а также в коллективной жизни делает новаторское насилие допустимым, он не в состоянии описать, как можно выйти из этого «порочного круга» осуществления и «бытия» насилия, если прибегать к его избыточному варианту. В то же время Сорель разграничивает насилие и политику теоретически, но не в состоянии ответить на вопрос, как насилие может быть конструктивным для политики, и не испачкать ее.

Обращая внимание на данные предостережения, понятно, что насилие, призванное достичь определенных благ, должно быть четко определенным и

регламентированным. Прежде всего, оно должно быть ответом на реальное физическое принуждение. Также следует учитывать, что к насилию следует прибегать лишь в том случае, когда все остальные средства исчерпаны.

Список используемых источников:

1. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 147 с.
2. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
3. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
4. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
5. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 13-108.
6. Fanon, F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 2004. 251 p.
7. Santoni R. E. *Sartre on Violence: Curiously Ambivalent*. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 2003. 200 p.

© 2016, Литовченко К.Г.

Роль политического насилия в трансформации общества

© 2016, Litovchenko K.G.

The role of political violence in the transformation of society